

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНОЕ МАРКИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ ПАМЯТИ

Кудеринов Алемхан Азаматович

alem3511@gmail.com

магистрант 2 курса ЕНУ им. Л. Н. Гумилева по специальности «Социология», Нур-Султан,
Казахстан

Научный руководитель – З. Абетова

В данной статье концептуализировано понятие «историческая память» в рамках анализа мемориалов городского пространства на основе теорий и концепций: Бурдые П. «Социология социального пространства», Г. Зиммель «Большие города и духовная жизнь» и Морис Хальбвакс. «Коллективная и историческая память».

Ключевые слова: историческая память, городское пространство, идентичность.

Семиотика городов, с момента их возникновения, многоаспектна и весьма насыщена значениями и смыслами. Изучение и понимание этих многообразных смыслов делает возможным постичь город как культурно-исторический феномен. Пространство города образует пространство исторической памяти, погруженной в поле острой политической борьбы. Наглядную иллюстрацию этой «борьбы с памятниками» дают современные города, особенно на постсоветском пространстве.

Не существует обществ, которые не были бы озадачены «правильной» трактовкой своей истории [Нора, 2005]. Демократизация, а значит, и плюрализм мнений создают площадку для открытого обсуждения истории исторических фактов. Это ведет к появлению противоположных трактовок одних и тех же событий. Происходит рост числа музеев, генеалогических обществ, мемориальных мероприятий. Все больше и больше людей увлекаются реконструкцией культурных практик своего народа. Возобновляется привязанность к «наследию» - тому, что в англоязычном мире называется «heritage», а во Франции - «patrimoine» [Там же].

Исторические искания и сама историческая память находят свое отображение, прежде всего, в общественных практиках и нормах. Коммеморация (сооружение музеев, установление праздников, установка памятников) является важнейшим элементом государственной политики и инструментом строительства нации в конструктивистских парадигмах [GillisJ, 2004, p.134]. Такую роль коммеморации приписывает Э. Хобсбаум и Б. Андерсон [Данилова, 2003].

Конструирование нации выражается, в том, что власть имеет монопольное право акцентировать внимание на одних моментах истории, замалчивать или вовсе маргинализировать другие. Государство способно ограничивать доступ к «местам памяти», то есть к архивам, выражаясь языком Пьера Нора. Государств определяет тот набор знаний об истории, которым должен обладать каждый гражданин путем создания единых стандартов образования [Миллер, 2009].

«Места памяти» и мемориалы живут благодаря чувству, что памяти как таковой нет –она нуждается в постоянном «напоминании», в подпитке [Нора, 2005]. Память ограничена достаточно узкими пространственными и временными рамками. Для этого нужны ежегодные праздники, архивы. Так мы наблюдаем, как с каждым годом все большую и большую озабоченность вызывает празднование дня Победы. Появляются опасения - вдруг молодежь начнет забывать.

По мнению Мориса Хальбвакса, коллективную память формируют и поддерживают социальные институты и группы. Они не только репродуцируют, но и конструируют прошлое. Коллективная память, на манер Дюркгейма, принудительна и всегда носит обязательный характер [Хальбвакс, 2005].

Память работает по принципу восстановления временной последовательности – продолжение прошлого настоящим [Дубин, 2009]. Значимые события, сшивающие в единое целое эпохи, воплощаются в символе. Одним из элементов коммеморации является городской памятник. Помимо важнейшей функции напоминания он еще и маркирует пространство. С водружением памятника происходит изменение городского символического ландшафта. Иными словами –памятник осваивает пространство, делает его своим. Усиливает его эффект и тот факт, что власть над пространством является самой сильной властью [Бурдые, 2007, стр 110].

Однако памятники имеют качественное отличие — они не носят характер «обязательного» как, например, школьная литература. За счет этого становится важным когнитивный характер восприятия его горожанами, смысловой посыл конкретного мемориала. На первое место выходит контекст, в котором находится сам памятник. Таким контекстом выступает город.

Городское пространство не только трехмерно. Оно воспринимается на уровне абстракций и воображения. Городское пространство состоит из ориентиров, узлов, границ,

районов и мест [Дубин, 2009]. Эти неотъемлемые части разделены между собой подчас символически.

Город выступает, как коллективный опыт, – исторические и социальные ассоциации играют огромную роль в распознавании городского пространства. Памятник выступает маркером, наполняя ту или иную часть города символическим смыслом. И если эту ценность разделяет коллективное представление – она приобретает статус сакрального, неся за собой нормы и правила поведения в данном месте. В коллективном представлении город окрашен в гамму социальных чувств – одни памятники замечают, другие игнорируют [Rowles, 1983, p. 293-313].

Г. Зиммель полагал, что городское пространство — это совокупность символических точек, наполненных определенными социальными смыслами [Зиммель, 2002, с.23-34]. Их главная функция – превратить «пустое» пространство в социально осмысленное. Городское пространство и его символические точки, к числу которых относятся и городской памятник, задают модели жизненных приоритетов.

При этом наше внимание в городе все равно остается мимолетным и фрагментарным. Слишком много информации нас окружает, и наша память дистанцируется от происходящего. Помимо этого – многие вещи мы воспринимаем как должное и повседневное [Трубина, 2010, стр 22].

Городской памятник, как институт, совмещает в себе оба вышеописанных процесса. Он одновременно является частью коммеморации, инструментом nation-building в то же время он является маркером городского пространства. Поэтому для полноценного изучения роли памятника -необходимо учитывать, какое место в коллективной памяти занимает то события, что репрезентировано в мемориале и то, как и где он установлен (иными словами - находится ли он на когнитивной карте города).

При этом памятник выступает инструментом nation building в том случае, если существует сам процесс nation-building, который в свою очередь базируется на поиске компромисса касательно своего прошлого, настоящего и будущего. Значение памятника, как инструмента, сильно зависит от политического контекста [Криволап, Матусевич, 2008, с.92]. Это необходимо учитывать и в случае казахстанского кейса.

Список использованных источников

1. Бурдые П. Социология социального пространства.—Москва: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алтейя, 2007
2. Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979-1989 годы) <http://www.navoine.ru/articles/925>
3. Дубин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-pamyat-o-vojne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoj-praktike-poslednix-desyatiletij.html
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. //Логос. - 2002. - №3-4.
5. Нора П. Всемирное торжество памяти. <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
6. Нора П. Проблематика мест памяти. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
7. Морис Хальбвакс. Коллективная и историческая память. <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
8. GillisJ. (Ed.). Commemorations: The Politics of National Identity. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.
9. Rowles G.D. Place and personal identity//Journal of environmental psychology. 1983. - №3 p. 293-313.
10. Миллер А. Россия. Власть и история. Pro et contra. 3-4 - 2009. http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf